

//
- , 1959. - . 320-325

АЛЕКСАНДР ЮДИН РАССКАЗЫВАЕТ О СЕБЕ

ПОСЛЕ второго ранения в Пинских болотах Герой Советского Союза Александр Дмитриевич Юдин долго лечился в госпитале. Демобилизовавшись из армии, он решил побывать у себя в деревне за Кубенским озером, посмотреть на места, где родился и рос, а затем поехать в Архангельскую область на лесозаготовки, где жил и работал его отец. Односельчане радушно встретили своего земляка. Не успел возница покормить лошадей и уехать обратно, как в избу, где остановился Юдин, начали соби-

раться колхозники и детвора. Многим хотелось послушать рассказ гостя о его боевых подвигах на фронте.

По просьбе односельчан Александр Юдин дал согласие выступить на колхозном собрании. Ниже мы публикуем главу об этом собрании из очерка Константина Конищева «Мой земляк Юдин», опубликованного в альманахе «Север»*).

На собрании было очень многолюдно. Председатель колхоза торжественно объявил:

— Слово предоставляется нашему дорогому гостю, члену Всесоюзного Ленинского комсомола и Герою Советского Союза товарищу Юдину...

Наступила тишина.

— Дорогие товарищи! Соседи и земляки! — начал свое выступление Александр Юдин. — Вас интересует, как я понимаю, мой пройденный путь, моя биография. А биография

*) «Север», № 9. Архангельское издательство, 1947, стр. 35—61.

моей жизни, уж если говорить прямо, началась по-настоящему только с лета 1943 года, то есть три года назад. А до этого все было мало интересно. Ну, как вы знаете, отец мой Дмитрий уехал отсюда из деревни со своей семьей сначала на Вожегу, там он работал, начиная с тридцатого года, в лесопунктах, а я учился в школе. В Вожеге местность неинтересная, скучная, не то что здесь. Потом отцу что-то не приглянулось в Вожеге и, забрав семью, увез он всех нас за Котлас в Лимендский леспромхоз.

Должен сказать, что места там хорошие и для охоты и для рыбной ловли. Только не пришлось мне этим делом много заниматься, так как первого января 1943 года мобилизовали меня в Красную Армию и сразу из нашего райвоенкомата отправили в город Вологду, в стрелковый полк. Там мы, новобранцы, усердно занимались пулеметным делом. Тяжелый пулемет «Максим», «дегтярку», то есть дегтеревский пулемет, и ППШ я изучил назубок, овладел ими на отлично. А про винтовку не говорю — я ее знал и раньше. И вот, через полгода, в звании младшего сержанта вместе с молодым пополнением меня направили на Центральный фронт, на Курско-Орловскую дугу. Я был тогда командиром стрелкового отделения в дивизии генерал-майора Голосова. Славный генерал — ничего плохого не окажешь про человека.

Началось наступление наших войск. В Конотоп мы ворвались так быстро, что многие немцы, даже начальство, не успели отступить с основными частями и попрятались. Мое отделение — одиннадцать человек — заняло в городе ресторан. Была удобная позиция — из окон три улицы простреливались. Видим, стрелять не по кому, все немцы разбежались. Мы пошли осматривать помещение. В зале за прилавком буфетчица-украинка стоит одна-одинешенька с таким напускным спокойствием. Смирнов Александр, тезка мне, говорит: «Мамзель, есть выпить?» — «Нет ни капли», — отвечает девка и начинает порожние бутылки из ящиков выбрасывать на стойку для отвода глаз. Тогда мы глянули к ней за буфет под прилавок, а там шесть немецких офицеров сидят, скорчившись, и трясутся. Отобрали мы у них «вальтеры» и «парабеллумы», самих сдали командиру роты, буфетчицу — тоже и бежим дальше... Очистив Конотоп, двинулись наши войска на Бахмач, на Нежин. Тут столько шло наших танков и так немцы «драпали», что мы, пехотинцы, едва успевали за своими танкистами.

— На танковые колонны и мы здесь денег не жалели, тысячами жертвовали, значит, наша помощь пригодилась, — вставил председатель.

— Разумеется, и даже очень. Такую силушку наше Верховное командование скопило, что после этой самой Орловско-Курской дуги стали появляться наши «мешки» да «клещи», которые оказались немецких хлеще. Случалось и мне

иногда заходить глубоко во вражеские тылы. Тут, скажем, немцы еще не успели отступить, а мы уже в другом месте прорвались, обошли их и в тылу захватываем пленных, подшибаем «тигров»...

В лето и осень 1943 года отдыхать нам мало приходилось. Около Десны небольшая передышка получилась по причине дождей. Земля так размякла, что танкам и пушкам-самоходкам стало неспособно двигаться.

Но вот наступили деньки посуше. Наше соединение все ближе и ближе с боями подходило к Днепру. В одном месте мы — небольшая группа — оказались на болотистом островке. Окапались. Мелкий ивнячок нас прикрывает. Но с островка ни взад ни вперед. Все окрестности просматриваются и простреливаются немцами. Несколько дней мы на таком приднепровском островке отлеживались и отстреливались из укрытий. И харчи у нас все вышли. Глушили гранатами рыбу в заводах и кормились. А за Днепром, видим, горят скирды пшеницы. Значит, немец чует смерть свою неминуемую на нашей земле!

... В этом месте своей беседы Александр Юдин сделал большую паузу, а председатель спросил его:

— Наверно у тебя, Александр Дмитриевич, был такой основной, самый интересный эпизод из боевой жизни? Когда ты до него дойдешь, остановись подробнее.

— Вот я и подхожу к этому эпизоду, — сказал Юдин и стал рассказывать землякам тот незабываемый случай переправы через Днепр, случай, который позволил ему стать Героем Советского Союза. А толпа слушателей росла и росла. Подходили прохожие из других деревень и, поняв суть необычного собрания, становились тут же и, не нарушая тишины, слушали трогательную, горячую беседу.

Эпизод, рассказанный Александром Дмитриевичем, был таков:

После трудных и долгих наступательных боев дивизия генерал-майора Голосова вышла к Днепру.

Подразделение, в котором находился Юдин, обойдя плавни, спустилось в овраг, ведущий извилинами до самого приплеска реки. Но нельзя еще было подойти к реке вплотную, нельзя было захватить солдатским котелком или каской днепровской водицы и освежиться. Немцы крепко держались за противоположный правый берег Днепра, сосредоточив всю силу огневых средств на участках, наиболее удобных для переправы. Наши, выбрав подходящее место для форсирования реки, стянули артиллерию и обрушили на немцев шквал огня.

Пехотинцы опасливо поглядывали на тот берег. Сам командир дивизии обходил подразделения, занявшие исходные позиции. Он был суров, сосредоточен. Внимательно осматривал бойцов, их снаряжение с полной выкладкой. А выкладка

на каждом из них — автомат, четыре диска патронов, пятьсот штук патронов за спиной в вещевом мешке, да навешено по десять гранат да по норме продуктов. Такая выкладка пригнетала могучие плечи комсомольца Юдина, сумрачно поглядывавшего из-под каски.

Многих лучших бойцов и младших командиров генерал знал в лицо и помнил их фамилии. Он знал и Юдина, несколько раз отличившегося в наступательных боях и в разведке. Увидев его, Голосов весело спросил:

— Ну как, Юдин, готов?

— Вполне, товарищ генерал, — и, слегка тряхнув гранатами, добавил: — Скоро вот этой картошкой немцев угощать буду.

— Желаю успеха.

Потом подозвал к себе командиров рот. Генерал поговорил с ними и объявил во всеуслышание:

— Сейчас пойдет на тот берег первый моторный понтон. Нужно двадцать пять добровольцев. Комсомольцы, не посрамите себя. Кто желает первым за Днепр? Кто не робеет?

Старшим на первый понтон вызвался капитан — командир второй роты. В числе других комсомольцев одним из первых изъявил желание фррсировать реку и Александр Юдин. Не дошел перегруженный бойцами первый понтон и до середины Днепра, как с двух сторон кинжальным огнем немцы ударили по нему из орудий. Первые снаряды падали не метко. Рвались по сторонам. Огненные столбы поднимались из воды. На середине Днепра один снаряд ударил в кормовую часть понтона. Шесть бойцов взрывом скинуло в воду.

Один из многих немецких снарядов угодил в борт понтона и перевернул его кверху дном. Юдин не потерял сознания. Первое, что пришло ему в голову, — надо во что бы то ни стало остаться живым и выбраться на берег. Пусть понтон разбит, пусть некоторые погибли, но жива поставленная цель.

Ногами нащупал ровное песчаное дно. Быстрота течения давала себя чувствовать — относилась в сторону, сбивала с ног... Собравшись с силами, Юдин взмахнул руками, всплыл на поверхность. Кроме него, барахталась только четверо, в том числе менее загруженный снаряжением капитан. Все они, сбросив с себя каски, кто как мог, держались на воде и плыли к западному берегу, до которого оставалось каких-нибудь метров сто, а то и меньше. Это придало ему бодрости. Снова опустившись на дно, он упрямо зашагал вперед, пока, наконец, не вышел на мелкое место. На берег из двадцати пяти выбрались только пятеро. Быстрым рывком пробежали двести метров вперед. Через несколько минут троих уже не стало. Их сразили немецкие пули. Остались вдвоем Юдин с капитаном. Немцы сначала обстреляли их из пулеметов. Потом вперебежку бросились на двух русских смельчаков. Автоматы

у капитана и Юдина были наготове, гранаты тоже. Первыми длинными очередями они сразили передние ряды наступающих. Остальные немцы залегли, но через две-три минуты поднялись и снова бросились.

— Русс, смерть, сдавайся! — кричали наседавшие немцы. Капитан и Юдин отвечали им из автоматов. Немцы лезли и лезли.

Капитан одну за другой швырнул две гранаты и обе настолько удачно, что Юдин заметил из-за бруствера, как вместе с песком и дымом поднялись в воздух клочки мундиров и черные немецкие каски. Оставались две последних гранаты. Тот и другой вытащили кольца с предохранительными чеками, чтобы в последний момент суметь нанести урон врагу. Это были тягостные минуты. Все кончено. Ни о чем не оставалось думать, только ждать: вот-вот подползут эти метра в пятидесяти от них прижавшиеся к земле немцы, и тогда — конец!.. Капитан, прячась за бруствером, приблизился к Юдину и, не выпуская из руки гранаты, крепко обнял его и поцеловал.

— Хорош ты, парень... Ну, что ж, и нам немного жить осталось, — оказал капитан, видно вспомнив тех товарищей, с которыми на понтоне переправлялся через Днепр. — А жаль. Хотелось до самой Германии дошагать... Давай с честью умрем, как русские умирают...

Они еще раз поцеловались и снова стали всматриваться вперед. На развороченной снарядами земле копошились, расползаясь в разные стороны, фашисты. Некоторые из них пятились. И то, чего не заметили капитан и Юдин, к своему огорчению увидели немцы: со стороны Днепра бесшумно, пригибаясь к земле, грозной силой надвигались солдаты генерала Голосова. Позади, чуть немного оправа от Юдина, затакал пулемет «Максим».

— Товарищ капитан, наши!

У обоих не гора, а что-то более тяжелое свалилось с уставших и могучих плеч. Они спасены.

Капитану почему-то вздумалось посмотреть на ручные часы.

— Знаешь что, мы час и восемь минут вдвоем с тобой держались на этом берегу...

... После перерыва с перекурком и разными разговорами предколхоза снова предоставил слово герою. Александр Дмитриевич достал из кармана гимнастерки красненькую, в сафьяновом переплете книжечку, сказал:

— Вот за этот самый поступок Михайло Иванович Калинин подписал мне такие слова:

*«Юдину Александру Дмитриевичу
За Ваш геройский подвиг, проявленный при форсиро-*

вании реки Днепра севернее Киева, прочное закрепление плацдарма на западном берегу реки Днепр, Президиум Верховного Совета СССР своим Указом от 17 октября 1943 года присвоил Вам звание Героя Советского Союза».

— Вскоре меня тяжело ранило и пришлось долго лежать в госпитале. Пока я поправлялся, с Германией и с Японией было покончено... Вот и все, товарищи. Кого не устраивает моя беседа, прошу задавать вопросы. Рассказы рассказывать куда легче, чем воевать...

Александр Дмитриевич вытер на лице пот, помолчал немного при общей тишине и сказал еще:

— А впрочем, с непривычки даже говорить трудно...

Вопросов ему не задавали. Всем был ясен и очевиден не легкий путь молодого бойца-героя.

